

## 2 ЦАРСТВ

### Урок 16, глава 11.

На прошлом уроке мы прочитали 11-ю главу 2-й книги Царств (история Давида и Вирсавии) и определили контекст и предпосылки для её понимания. Но мы также потратили немного времени, чтобы обсудить тот подход, который христианство обычно использует для объяснения этого важного повествования, и мы также обсудили общий взгляд иудаизма, который аллегоризирует эту историю до такой степени, что делает её цель практически неузнаваемой. То, что содержится в истории Давида и Вирсавии, настолько важно, что мы даже не закончим сегодня разбирать эту главу.

Позвольте мне начать с того, что я скажу то, что наверняка вызовет у меня проблемы с современным мейнстримом христианства, а также с ортодоксальным иудаизмом: аллегория не должна занимать никакого, кроме самого минимально возможного места в библейском учении или в формировании нашей теологии. Аллегория следует приберечь для иллюстрации, но не для поиска библейской истины и принципов, изучения или утверждения доктрины. Напомним, что определение аллегии заключается в том, что текст из Священного Писания означает нечто отличное от того, что в нём говорится на самом деле. Что замысел автора заключается не в словах, которые он написал, а в чём-то совершенно другом. Т.е., если в стихе сказано «вверх», это означает «вниз». Несмотря на то, что там написано «да», это означает «нет». И, если там написано «зло», это означает «добро». Если там написано «НЕ отменял», это означает «ДЕЙСТВИТЕЛЬНО отменил» и так далее. К сожалению, аллегория используется церковью и синагогой как основной инструмент для изучения Священного Писания и при произнесении проповедей, и чаще всего причина заключается в том, что она служит средством подтверждения созданных человеком принципов и традиций и отстаивания их собственных социальных программ, как предписанных Богом. Другими словами, религиозные власти и советы разрабатывают доктрины и принципы веры, а затем обосновывают их в соответствии с текстом Библии. Используя аллегию, библейский текст можно перестроить и переформулировать так, чтобы он означал то, что поддерживает определённую точку зрения или принцип систематической теологии. Нет лучшего примера этого для еврея или язычника, чем история Давида и Вирсавии.

Христианам эту историю обычно преподносят как захватывающую и утешительную детскую сказку о любви красивого и могущественного мужчины к потрясающе красивой женщине, а также об исповеди и раскаянии в ужасных проступках, на которые Бог Израиля ответил неограниченным и безоговорочным прощением. Для еврея это история о великих заслугах Давида

(что ещё больше повышает его статус и совершенство перед Господом), о великом предательстве Урии (мужа Вирсавии) и о справедливости, которую он получил благодаря своей кончине, и о том, как исполнялась Божья воля, согласно которой Давид и Вирсавия поженятся и произведут на свет Соломона (решение, принятое Богом ещё до сотворения мира).

Таким образом, имея в виду эти две основополагающие доктрины, учёные-переводчики из язычников-христиан играли с некоторыми оригинальными словами на иврите, чтобы достичь своей цели, а учителя Библии и пасторы, как правило, замалчивали грехи Давида и Божье проклятие на нём, предпочитая сосредоточиться исключительно на раскаянии Давида и его вере в Бога, милости Отца, чтобы привести их учение в соответствие с библейскими писаниями. Еврейские учёные (чтобы сохранить свою неизменную позицию в том, что Давид был почти совершенным и во всех отношениях похожим на Мессию) превращают каждое божественное осуждение Давида в похвалу ему и считают каждое направленное Богом последствие греха Давида как теоретическое, но никогда на самом деле не причинённое ему.

О, в этой главе (и в следующей) содержатся божественные принципы, от которых действительно захватывает дух и которые могут заставить даже такого бесстрастного человека, как я, захлебнуться слезами, и поэтому мы собираемся тщательно изучить эти главы. Так что будьте начеку, я думаю, вы, возможно, будете смотреть на этот эпизод немного по-другому к тому времени, когда мы закончим, если будете внимательны. Давайте перечитаем эту ключевую главу.

**ПЕРЕЧИТАЙТЕ** всю 11-ю ГЛАВУ 2-й КНИГИ ЦАРСТВ.

Первые слова 11 главы в некоторых переводах звучат так: «Весной, когда цари выходят на войну». Во-первых, слово «весной» было добавлено переводчиками, на самом деле в оригинальном тексте его нет. Скорее предполагается весеннее время, потому что мы знаем из обширных исторических записей, что обычным временем, когда цари ведут свои войска в осады или длительные сражения, является весна. Но мы также должны помнить, что эта история, которая начинается с того, что Иоав ведёт израильскую армию на осаду Раввы, на самом деле является продолжением того, что началось в главе 10.

**2 Царств 10:13-14: «И вступил Иоав в народ, который был у него, в сражение с Сирийцами, и они побежали от него. <sup>14</sup>Аммонитяне же, увидев, что Сирийцы бегут, побежали от Авессы и ушли в город. И возвратился Иоав от Аммонитян и пришёл в Иерусалим».**

Итак, когда сирийцы (арамеи) во главе с Адраазаром бежали, а затем аммонитяне отступили в свою укреплённую столицу Равву, Иоав взял свою

армию и вернулся в **Йерушала́им**. Причина, по которой Иоав отправился домой, заключается в том, что для взятия Раввы пришлось бы прибегнуть к осаде города. Осада - это, по сути, долгосрочная блокада: войска окружают город, за стеной которого забаррикадировались мирные жители и военные. Никому не разрешается входить или выходить. Окружившая город армия время от времени штурмует укрепления или городские ворота, но чаще всего осада сводится к простому ожиданию, когда в городе закончатся запасы продовольствия (а часто и воды). Затем армия города либо сдаётся, либо продолжает сражаться во всё более ослабевающем состоянии из-за болезней и недоедания. Результат неизбежен, если только город не сможет продержаться до тех пор, пока погода снова не испортится (и атакующая армия уйдёт), или если союзник не нападёт на атакующую армию и не спасёт жителей города.

Очевидно, битва, описанная в главе 10, произошла поздней осенью, когда погода становилась холодной и дождливой. Осады часто давались окружавшей армии тяжелее, чем тем, кто жил внутри стен (по крайней мере, поначалу). Таким образом, там, где это было возможно, осады начинались, когда сезон дождей и холодов заканчивался, и впереди было по крайней мере 8 месяцев хорошей погоды или около того. Поэтому, как и говорится в стихе 1 главы 11, это, несомненно, произошло весной.

Стих 1 также содержит многозначительную игру слов, которую почти любой читающий на иврите уловил бы сразу и понял намерение автора. Я думаю, что это довольно интересно, так что давайте посмотрим на это. Там, где сказано: «когда выходят цари», на иврите это звучит как «когда **мéлех яцá**». **Мéлех** – это царь, а **яцá** – «выходить, а «выходящий» - это военный термин, обозначающий участие в битве. Но затем нам говорят, что «Давид послал Иоава». На иврите написано, что «Давид **шалáх Йоав**». **Шалáх** означает «посылать». Этот термин обычно применяется к посыльному, но не к военному генералу. Посланник на иврите - это **мáлах**. И **мéлех** (царь), и **мáлах** (посланник) пишутся одинаково (мем – ламед - каф מלך), разница лишь в том, как произносится это слово. Другими словами, поскольку письменный иврит - это алфавит, состоящий только из согласных, когда слово произносится вслух, необходимо добавлять гласные звуки. Итак, суть, которая очень очевидна на иврите (но теряется при переводе), заключается в том, что задан определённый уничижительный тон, что вместо того, чтобы Давид делал то, что должны были делать израильские цари (вести свою армию в бой), Давид использовал Иоава как посланника и отправил его с армией, в то время как Давид остался в безопасности и комфорте позади. Так что вся эта история с самого начала идёт наперекосяк.

Незаметное нисхождение Давида, начало которого мы видели в предыдущих главах, теперь становится более видимым и осязаемым. Давид ведёт себя как

типичные цари-язычники этого региона. Ближе к концу 1 стиха в большинстве версий говорится, что «Давид же оставался в Иерусалиме». На иврите написано, что Давид **яшáв Йерушала́им**. Более буквальный перевод слова «**яшáв**» - это не «оставаться», а «сидеть». **Яшáв** - это противоположность **яцá**. То есть Давид сел, а не вышел. «Оставаться» - это нейтральный термин, который не является ни хорошим, ни плохим, «сидеть» рассматривается как решительный и сознательный отказ выходить на улицу. От чего отказывается Давид? Повиноваться Господу. Это Божья заповедь о том, чтобы израильский царь «выходил» и руководил, а не «сидел» и «ему прислуживали». Так что это не вопрос царской прерогативы: история начинается с намеренного неповиновения Господу со стороны Давида. И дальше всё становится хуже и хуже.

Итак, на улице весна или раннее лето, Давид живёт праздной жизнью, в то время как его армия сражается с врагом без его руководства. Однажды жарким днём он дремлет на крыше своего дворца, где дует лёгкий ветерок, затем он просыпается и выходит прогуляться. Он смотрит вниз на дома горожан возле его дворца, и, к своему восторгу видит потрясающе красивую женщину, которая погружается в воду. Его похоть достигает предела, и он сразу же решает, что она должна быть у него в гареме.

Археологи обнаружили дворец Давида, он расположен на восточном склоне, на северной оконечности хребта, на котором построен город Давида, поэтому все остальные дома были расположены гораздо ниже его дворца. Дом Вирсавии, без сомнения, находился прямо за городской стеной города Давида, недалеко от ущелья Кедрон, потому что её муж Урия был военным офицером, и ему было разрешено жить в привилегированном месте.

Давид послал своих людей, чтобы они узнали, кто эта красавица. Оказалось, что она замужняя женщина, дочь Елиама. Имя её мужа Урия Хеттеянин. Это не означало, что он был национальным хеттом (гражданином Хеттской империи), скорее это просто означало, что его род имел хеттское происхождение, но когда-то они перешли на сторону Израиля и, таким образом, стали израильтянами. Его имя означает свет Яха (свет Божий), поэтому невозможно себе представить, что человек с таким благочестивым именем, которое вызывает к Богу Израиля, сохранял бы свою хеттскую идентичность.

В стихе 4 перевод снова на скрывает важную игру слов, которая очевидна, если читать на иврите. Фраза «послал гонца» (**шалáх мáлах**) за Вирсавией перекликается с 1 стихом, где царь послал (**мéлех шалáх**) Иоава и израильскую армию на войну. Вы видите корреляцию? Давид совершает ошибку, отправляя своего генерала на войну (и муж Вирсавии, конечно, ушёл вместе с армией), и теперь, когда армия ушла, Давид совершает ошибку,

отправляя своего гонца за Вирсавией с целью прелюбодеяния (я говорил вам, что дальше всё становится еще хуже!)

Имя Бат-Шева не так однозначно в своем значении, как имя её мужа. Слово **бат** означает дочь. Слово **ше́ва** может переводиться несколькими способами: оно может обозначать цифру 7 или может означать «клятва». Некоторые мудрецы утверждают, что имя подразумевает, что она была 7-й дочерью Елиама или, возможно, его 7-м ребёнком, символика числа 7 означает божественную полноту. Другие мудрецы говорят, что её имя означает клятву и что её рождение считалось результатом какого-то обета, данного Господу её родителями. В древние библейские времена было принято, что имя ребёнку давала мать, хотя у отца была прерогатива вмешиваться, если он считал нужным. Но ещё одно интересное замечание заключается в том, что происходившее купание (когда Давид впервые увидел её мельком) касалось ритуальной чистоты. Купание было связано не с личной гигиеной, а с послушанием Божьим заповедям. В стихе 4 бесстрастно (просто как констатация факта) говорится, что Давид соблазнил её и имел с ней сексуальные отношения. И что после того, как она вернулась домой, она некоторое время спустя отправила Давиду сообщение о том, что теперь она беременна.

Еврейское слово, используемое для добавления некоторой информации о сексуальном контакте, заключается в том, что она очистилась от своего **тумá**. **Тумá** означает нечистоту, и в данном случае это относится к **ниддá**, состояние ритуальной нечистоты, возникающее во время менструации у женщины. Мы изучали это ещё в 15 главе книги Левит, и сейчас не будем вдаваться в подробности, я просто подчеркну моменты, относящиеся к этой истории о Давиде.

Прежде всего, как только у женщины начинаются месячные, она становится ритуально нечистой. В течение всего времени своего цикла она не должна вступать в половую связь со своим мужем, иначе он тоже станет ритуально нечистым. После окончания цикла она остаётся нечистой ещё 7 дней, затем на 8-й день она должна принести в жертву 2 кошерных птиц в храме (наименее дорогое из всех жертвоприношений), погрузиться в **мй́кву** (ритуальное омовение), и тогда она снова ритуально чиста. Таким образом, женщина ритуально нечиста из-за своего цикла в общей сложности от 10 до 14 дней или около того. И поэтому требуется воздержание в течение всего этого времени, иначе человек становится ритуально нечистым и должен пройти предписанный левитский протокол, чтобы снова стать чистым. В то время как для женщины не является грехом быть нечистой из-за месячных (в конце концов, это не в её власти и не по её вине), для мужчины грех вступать с ней в

сексуальные отношения, потому что это выбор послушаться Божьего повеления не делать этого.

Следовательно, когда мы впервые слышим о Вирсавии (в тот момент, когда Давид видит её), это день её **мίκва**, на 8-й день после окончания месячных, и она выполняет последний из шагов, необходимых для того, чтобы снова стать ритуально чистой. Давид полностью осознаёт это, и поэтому в стихе 4 ясно говорится, что, когда Давид уложил её в постель, она завершила процесс возвращения к ритуальной чистоте. Как Давид смог рационализировать в своём сознании совершение прелюбодеяния, но в то же время дожидаться, пока его партнер по прелюбодеянию станет ритуально чистым, чтобы он не совершил этот конкретный грех, выше моего понимания.

Итак, представьте себе картину. Давид вступает в половую связь с Вирсавией через день или два ПОСЛЕ того, как она стала ритуально чистой, это означает, что это случилось примерно через 10 дней после окончания её месячных. С медицинской точки зрения, это пиковое время для фертильности женщины. Опять же, поскольку древние евреи (и современные тоже, если на то пошло) полностью осведомлены обо всех этих сроках плодородия, тогда становится ещё понятнее, вот почему эта информация была даже записана и, следовательно, рассматривалась как важная. Поскольку она была здоровой молодой женщиной, было весьма вероятно, что результатом будет беременность, и Давид знал это. Учёл ли он это или его гормоны просто взяли верх над ним, и это не имело значения, трудно оценить. Но он ни в коем случае не был в неведении о возможных последствиях.

Другой очевидный вопрос заключается в том, что эта беременность никоим образом не могла быть приписана мужу Вирсавии (чтобы никто не узнал о её прелюбодеянии), потому что он был на военной службе и находился там в течение некоторого времени. То, что у неё была менструация и из-за неё она нуждалась в **микве** (ритуальном омовении) и очищении, говорит нам о том, что на самом деле она не была беременна во время встречи с Давидом.

Есть некоторые другие здравые смыслы и очевидные факторы, которые мы должны учитывать по мере продолжения истории. Во-первых, Давид не обеспечил секретность, отправившись сам после наступления темноты, к Вирсавии и приведя её в свой дворец, он послал своих людей. Посыльные - это дворцовые слуги. Слуги разговаривают между собой, и Давид не мог не знать об этом факте. Не может быть, чтобы то, что сделал Давид, очень долго оставалось секретом. Во-вторых, в этой истории нет и намёка на принуждение. Вирсавию не похищали и не принуждали. Хотя, с одной стороны, она, вероятно, неохотно соглашалась, с другой стороны, без сомнения, близость с царём Израиля имела своё очарование. И для нормальной здоровой женщины

это, должно быть, было заманчиво, поскольку её муж отсутствовал по меньшей мере несколько недель.

В 3-й книге Царств 1 и 2 главах мы находим очень агрессивную и авторитетную царицу-мать Вирсавию, у этой женщины были некоторые амбиции, и её было нелегко запугать. Таким образом, традиция, а также более поздние библейские истории о ней не оставляют места для сомнений в том, что она была не против сексуальной интрижки с Давидом и вообще не могла рассматриваться как жертва.

Когда Давид узнаёт, что Вирсавия беременна, у него возникает проблема. Что произойдёт, когда её муж узнает и поднимет шум? По всем правилам Давид должен быть казнён за это. Конечно, никто не казнит царя, но подумайте о том, как бы это запятнало безупречную репутацию Давида и что подумали бы другие мужья-военные «красивых жён», когда Давид в следующий раз отправит их на войну. Давид не может допустить, чтобы это произошло, поэтому он придумывает план, как скрыть свой грех. То, что он, похоже, полностью выбросил из головы (точно так же, как это сделал его предшественник Саул), заключалось в том, что, даже если с помощью всех своих хитроумных планов он скроет свои грязные дела от своих подданных, Бог видит и знает всё. И это повлекло за собой последствия.

Но на самом деле, разве все эти разговоры о том, что мы не можем ничего скрыть от Господа, не кажутся нам иногда теорией, а не реальностью? Я уверен, что так было и с Давидом. Разве мы иногда не заходим слишком далеко и не делаем то, что, как мы знаем, неправильно, мы намеренно нарушаем Божьи заповеди, а потом почему-то думаем, что если другие люди не узнают об этом, это самое главное? Если мы просто сможем сохранить это в тайне, и жизнь будет идти своим чередом, мы более или менее избежим наказания. Почему мы так думаем? Потому что земные последствия нашего плохого поведения кажутся более реальными, важными и непосредственными, чем любые небесные последствия.

Если мы изменяем своему супругу и наш супруг узнаёт об этом, он или она, вероятно, не будут молчать об этом, и об этом узнает большая часть нашего круга общения. Супруг вряд ли просто забудет об этом, и поэтому наша жизнь дома станет несчастной. Можем ли мы продолжить находиться в той же церкви или синагоге? Вероятно, нет. Что произойдёт, если семья услышит об этом? Нас будут унижать и, возможно, избегать. Скорее всего, случится развод, семья будет разрушена, с трудом добытые активы разделены, и мы окажемся в тяжёлом финансовом положении, если не в нищете. Поэтому все наши усилия сосредоточены на том, чтобы избежать любого из этих бедствий.

Но что насчёт Бога? Как насчёт божественных последствий нашего греха в том, что касается наших отношений с Ним? Обычно это легче отложить в сторону и «подумать об этом позже», потому что мы на самом деле не ожидаем, что нас поразит молния или внезапно появится опухоль мозга в качестве наказания, потому что (как гласит слишком много ложных доктрин) Бог обязан махнуть рукой и простить нас, если мы верующие. Таким образом, идея сурового наказания на самом деле является только теорией, нас учили, что Кровь Христа отрицает возможность божественного наказания, так что аллилуйя! Мы дома, свободны! Поэтому с духовной точки зрения нам не о чем беспокоиться (по крайней мере, в ближайшей перспективе). Каким бы неправильным это ни было, разве не это часто говорит нам наша человеческая сущность, и мы ей верим? Давиду скоро предстоит убедиться в обратном.

Давид поспешно разрабатывает план сокрытия своего греха и посылает за мужем Вирсавии, Урией. Посланнику потребовалось несколько дней, чтобы прибыть на поле битвы в Трансиордании, а затем и Урии, чтобы вернуться в **Иерушалаим**. Когда вас вызывает царь, вы направляетесь напрямиком в его дворец, вы не едите, вы никого не навещаете, вы не приводите себя в порядок. Приходит Урия, и Давид старается не казаться встревоженным и не вести себя подозрительно, поэтому он заводит с ним светскую беседу и старается быть хладнокровным и дружелюбным. Он уместно спрашивает о командире Урии, Иоаве. Он спрашивает о солдатах и о том, как идут дела на фронте. Там нет упоминания об ответах Урии, потому что вопросы все равно не были искренними. После обычной болтовни Давид любезно предлагает Урию пойти домой, чтобы «вымыть ноги». Мытьё ног было типичным ближневосточным обычаем, практикуемым на всех уровнях общества. Просто дело было в том, что после долгого путешествия, которое всегда включало ходьбу в открытых сандалиях, ногам было жарко, они болели и, конечно, были довольно грязными. Купание всего тела происходило не очень часто по многим причинам: во-первых, это просто не считалось необходимым, а во-вторых, вода обычно была ценным ресурсом и требовалось много усилий, чтобы добыть её и носить повсюду. Но для мытья ног требовалось всего около литра воды, и поэтому это мог сделать любой желающий.

Царь отпустил Урию, но вместо того, чтобы отправиться в свой собственный дом (всего в нескольких сотнях метров от дворца Давида), он предпочёл остаться с царским двором и слугами. Урия считал себя всё ещё на службе. Когда Давид узнал об этом, он вызвал Урию и хотел знать, почему он не пошёл к себе домой? Поймите, что, с одной стороны, слова Давид пойти домой и вымыть ноги, не рассматривался как официальный приказ, это было скорее разрешение идти своей дорогой и провести некоторое время со своей женой. Но, была и другая причина, по которой Давид предложил это, которая выходила далеко за рамки проявления доброты к Урии. Для Урии этот вызов

был чем-то большим, чем простое любопытство Давида. Никто не вызывает военного офицера в путешествие на несколько дней, чтобы узнать, как дела у Иоава и у армии в целом, эти сведения мог бы передать любой курьер. Конечно, царь, должно быть, хотел от него чего-то ещё, поэтому Урия, будучи верным солдатом, околачивался поблизости, чтобы выяснить, что бы это могло быть.

Когда Давид слышит, что Урия не пошёл домой, он зовёт его и спрашивает, почему он этого не сделал? В конце концов, он только что вернулся из долгого и трудного путешествия. Урия отвечает, что он просто не мог заставить себя комфортно спать в своей постели, в красивом доме, и общаться со своей женой, когда другие солдаты и всё его начальство испытывает трудности в палатках, их жизни в опасности и они далеко от дома. Кроме того, даже драгоценный ковчег завета и вожди колен Иудеи и Израиля находились в палатках недалеко от места битвы. Это бросало вызов его военной подготовке как лидера и совесть не позволяла Урии воспользоваться безопасностью и комфортом, пока его товарищи сражались.

Здесь так много всего, о чём можно поговорить. Сначала обратите внимание, как это укололо совесть Давида, когда он услышал такие слова о непоколебимой преданности и искренней заботе о неприкосновенности ковчега и безопасности своих товарищей-солдат от простого военного, даже если он был офицером. Урия не мог заставить себя сделать то (хотя его товарищи на месте битвы, скорее всего, никогда бы об этом не узнали), что Давид позволил сделать себе. Там, на чужбине, был ковчег Божий, лидеры колен Израиля, все высшие военачальники и тысячи солдат, сражающиеся и живущие в тяжёлых условиях, в то время как Давид был дома, пользуясь не только комфортом и собственным гаремом, но и соблазняя одинокую жену своего военного.

Во-вторых, существует интересная проблема, которую скрывают некоторые переводы в отношении ковчега завета. Было принято располагать ковчег Божий рядом с местом битвы. Не настолько близко, чтобы он был в опасности, но достаточно близко, чтобы солдаты чувствовали себя комфортно в его присутствии. Без сомнения, первосвященник был там вместе с ним. Но то, что в стихе 11 говорится, что ковчег, Иуда и Израиль находятся в шатрах, просто совершенно неверно. Еврейское слово, обозначающее палатку, - **охэль**, но здесь слово **охэль** не используется. То, что здесь перевели словом «палатка» - это **сукка́**. И поскольку мы только что закончили праздновать библейский праздник Суккот, вы знаете, что **сукка** не является эквивалентом палатки. Солдаты не разбивают лагерь в **сукка**. Так что же здесь происходит? Действительно ли они построили **сукка** для ковчега, а также для лидеров 12 колен? Хотя мы не можем сказать со 100% уверенностью, что нет, это почти

немыслимо. **Сукка** по замыслу имела открытую крышу, и она была плохим убежищем для вождей колен, не говоря уже о драгоценном ковчеге завета.

Скорее, я думаю, что следует воспринимать это слово как имя собственное. На самом деле там используется слово **суккот**, которое является множественным числом от **сукка**. А Суккот несколько раз упоминается в Танахе как название хорошо известного города в Трансиордании, расположенного примерно в 32 км от места осады Раввы. Итак, нам говорят, что вожди племён, первосвященник и ковчег находились за рекой Иордан в городе Суккот.

Ещё одна вещь, на которую мы должны обратить внимание: несмотря на то, что Давид был царём предположительно объединённого Израиля в течение нескольких лет, о южных племенах, которые образовали Иудею, и о северных племенах, которые образовали Израиль (позже названный Ефрем), всё ещё говорится отдельно. Как я уже говорил ранее, единство севера и юга всегда было хрупким. И хотя мысль о тесной связи 12 колен при Давиде, а затем при Соломоне была полезной и счастливой выдумкой, на самом деле это никогда не было так в значительной степени. С того времени, как 12 колен были сформированы для выхода из Египта, а затем, особенно когда они впервые вошли в Ханаан под руководством Иисуса Навина, они объединились в коалиции. И двумя основными коалициями были 10 колен, которые жили к северу от Иерусалима, и 2 колена (в основном состоящие из Иуды), которые жили к югу.

Но почему Давид так настаивал на том, чтобы Урия отправился домой, и так беспокоился, когда он этого не сделал? Почему, в частности, Давид настаивал на том, чтобы Урия пошёл домой и переспал со своей женой? Что ж, теперь Давид меняет свою тактику. В стихе 12, опасаясь, что дальнейшее давление на Урию с требованием пойти домой вызовет подозрения, Давид говорит Урии, что он должен остаться во дворце, а затем он может отправиться домой на следующий день. Но на следующий день Давид устраивает роскошный банкет с целью напоить Урию, и, надеясь, что это заставит его забыть свои принципы и пойти к своей жене. К разочарованию Давида, это тоже не сработало.

Ответ на вопрос «почему?» Давид так старался заставить Урию вернуться домой к своей жене, становится очевидным, на самом деле мудрецы говорят, что к настоящему времени Урия имел довольно хорошее представление о том, что происходит, и поэтому, возможно, отказывался участвовать в обмане. План состоял в том, что, поскольку Вирсавия была не более чем на 4 или 5 неделе беременности от Давида, если бы Урия переспал со своей женой, беременность можно было разумно объяснить неожиданным возвращением Урии домой. Тогда Давид был бы вне подозрений (и Вирсавия тоже).

Отчаявшийся Давид становится более решительным в своей попытке сокрытия греха. Ирония этой истории становится более яркой: верность Урии разоблачает неверность Давида. Давид начинает испытывать беспокойство и приходит в ярость.

Мы продолжим изучать эту главу на следующем уроке.